УДК 94(47)"1915":327(438+497.2)

Свиридова А.С., ассистент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

СЛАВЯНСКИЙ ВОПРОС В РОССИЙСКОЙ ГАЗЕТНОЙ ПЕРИОДИКЕ ОСЕНЬЮ 1915 Г.: НА ПРИМЕРЕ ПОЛЬШИ И БОЛГАРИИ[1]

Статья посвящена анализу отражения славянского вопроса в российской газетной периодике в критический период осени 1915 г. На основе материалов ведущих газетных изданий – «Русские ведомости», «Биржевые ведомости», «Речь», «Новое время», «Русское слово», «Утро России», «День», «Современное слово», «Маленькая газета», «Петроградский листок» – рассматривается специфика интерпретации двух ключевых сюжетов: положения Царства Польского, оккупированного германскими войсками, и внешнеполитического выбора Болгарии, вставшей на путь союза с Центральными державами. Исследуется эволюция оценок в прессе – от надежд на «братство» и дипломатическое урегулирование до констатации «предательства» и разрыва. Особое внимание уделяется публицистическим попыткам связать судьбы двух славянских народов в единую концептуальную схему, а также анализу образа Германии как главного антагониста «славянского мира». В статье выделяются три этапа освещения событий, связанных с польским и болгарским вопросами. Исследование показало, что в польском вопросе газеты акцентировали внимание читателей на немецких репрессиях, в болгарском вопросе – на осуждении болгарского предательства. Соответственно, делается вывод о формировании в российской печати двойственного образа «славянского мира» и о кризисе традиционной модели славянской солидарности, основанной на имперском покровительстве и чувстве благодарности.

Ключевые слова: Первая мировая война, славянский вопрос, российская печать, газетная периодика, Польша, Болгария, польский вопрос, болгарский вопрос, общественное мнение.

DOI: 10.22281/2413-9912-2026-10-03-124-134

Введение. Осень 1915 г. стала для Российской империи временем военных и дипломатических потрясений, напрямую затронувших основы «славянского мира». Падение Варшавы в августе и последующая оккупация немцами Царства Польского, а затем переориентация Болгарии на союз с Германией и Австро-Венгрией в сентябре изменили политическую картину мира. Эти события, рассматривавшиеся в тесной связи друг с другом, актуализировали в публичном пространстве так называемый «славянский вопрос».

Российская империя вступала в войну как защитница Сербии, а в ее лице – и всех славянских народов, а уже в первые дни войны, с обнародованием 1 августа 1914 г. Воззвания великого князя Николая Николаевича к полякам, на официальном уровне был декларирован лозунг славянского единства и обещание польской автономии. Однако к осени 1915 г. выяснилось, что славянские народы – поляки, болгары, сербы – руководствуются не столько «братскими чувствами», сколько собственными национальными интересами. Именно в этот переломный момент периодическая печать стала главной площадкой, где формировались образы «врага» и «брата», переосмыслялись традиционные представления о единстве и предательстве.

Газеты не только информировали читателей о событиях, но и активно участвовали в конструировании смыслов, предлагая различные интерпретации происходящего – от морального осуждения «предательства» до рационального анализа геополитических причин. Изучение того, как именно прессой трактовались судьбы Польши и Болгарии, позволяет не только реконструировать картину общественных настроений, но и понять механизмы формирования внешнеполитических стереотипов в условиях кризиса «славянского единства».

Славянская идея в годы Первой мировой войны приобрела особое значение, а одной из ее важнейших составляющих стал лозунг единства перед натиском «воинствующего германизма». А.Ю. Бахтурина [2, 3] и Л.М. Аржакова [1], В.В. Полонский [31] отмечали, что с началом военных действий пропаганда идей освобождения славянства значительно усилилась, а в самом российском МИД подход к славянской идее становился

[1]Статья написана при поддержке Российского научного фонда (проект № 25-28-00933) «Печать в публичной сфере как актор интеграции и самоорганизации российского общества в условиях Первой мировой войны»

© Свиридова А.С.
© Sviridova A.S.

все более прагматичным. В.В. Борисенко [9], А.А. Крутиков [22], А.Н. Мичурин [23], С.В. Позняк [30] подчеркивали, что в контексте славянского вопроса особое значение для внешней и внутренней политики Российской империи имел польский вопрос.

Проблематике вступления Болгарии в Первую мировую войну посвящены статьи А.А. Иванова, А.В. Репникова [19] и А.А. Фоменко [49]. Однако, несмотря на обилие работ по истории славянского вопроса и российской внешней политики в годы Первой мировой войны, комплексный анализ освещения польского и болгарского вопросов в российской газетной периодике именно в сентябре 1915 г., в самый острый момент кризиса «славянского единства», до сих пор не проводился.

Цель данной статьи – на основе анализа конкретных публикаций в газетах различной направленности выявить спектр оценок польского и болгарского вопросов, проследить эволюцию этих оценок в течение сентября 1915 г. и показать, как пресса связывала судьбы двух славянских народов в единую концептуальную схему.

На основе материалов десяти ведущих газет различной направленности рассматривается специфика интерпретации двух ключевых сюжетов: положения Царства Польского и Болгарии. В рассматриваемый период газета «Русские ведомости» имела либеральную направленность, «Речь» – либерально-кадетскую, «День» и «Маленькая газета» – либерально-буржуазную. Столичные «Биржевые ведомости» в военное время представляли собой авторитетное массовое издание. Газета «Новое время» в период войны поддерживало правительственную политику и сохраняла консервативный настрой. «Русское слово» и «Утро России» выражали мнение прогрессивных российских кругов. «Современное слово» позиционировало себя как «беспартийно-демократическая газета». «Петроградский листок» относился к массовым городским газетам. Такой спектр позволяет проследить, как политическая и идеологическая ориентация изданий влияла на трактовку польского и болгарского вопросов, а также выявить точки консенсуса и расхождения в интерпретации роли Германии в славянском вопросе. В ходе исследования для реконструкции контекста были проанализированы все номера выбранных газет за сентябрь 1915 г., а также отдельные выпуски за август и октябрь. Особое внимание уделялось заголовкам, передовым статьям, авторским колонкам и материалам корреспондентов, поскольку именно в них наиболее ярко проявлялась редакционная позиция.

Объекты и методы исследования. Объектом исследования в данной работе является российская газетная периодика сентября 1915 г. как важнейший источник реконструкции общественных настроений и политических дискуссий в переломный период Первой мировой войны. Осень 1915 г. стала периодом кульминации кризиса традиционной модели славянской солидарности, что делает его особенно значимым для историко-публицистического анализа.

Методологическая основа исследования построена на сочетании нескольких подходов. Историко-типологический метод позволил классифицировать газеты по их политической направленности и стилю подачи материала, что было необходимо для выявления корреляции между типом издания и характером освещения славянского вопроса. Контент-анализ способствовал выявлению ключевых тем в газетных статьях. Сравнительно-исторический метод применялся для сопоставления освещения польского и болгарского вопросов, что позволило выявить общие закономерности и различия в трактовке славянского вопроса в зависимости от конкретной страны. Кроме того, данный метод использовался для сравнения позиций различных газет по одним и тем же событиям, что дало возможность реконструировать полемику и определить границы публичного дискурса. Историко-генетический метод позволил проследить эволюцию оценок в печати в течение сентября 1915 г. по польскому и болгарскому вопросам, что позволило увидеть динамику российских общественных настроений и выявить поворотные моменты в освещении славянского вопроса.

Результаты и их обсуждение. К началу Первой мировой войны славянская идея в России имела глубокие историософские корни. В.В. Полонский отмечал: «Патриотический подъем в русской публицистике первых военных месяцев, сопровождавшийся среди

прочего и напряженной риторизацией так называемого славянского вопроса, во многом опирался на плотную идеологическую подкладку религиозно-философского ренессанса в России начала XX в., благодаря которому были актуализированы <...> постулаты отечественного славянофильства» [31, с. 25]. В этой традиции Россия мыслилась как «средоточие» славянского мира, неразрывно связанное с судьбами всех славянских народов.

Философ В.Ф. Эрн в 1915 г. полагал, что «время славянофильствует», подразумевая, что сами события войны заставляют историю двигаться в славянофильском направлении [50, с. 5]. Однако реальность оказалась сложнее: к 1915 г. выяснилось, что славянское единство сталкивается с непреодолимыми препятствиями – как внешними (германское влияние), так и внутренними (исторические противоречия между славянскими народами). По замечанию Л.М. Аржаковой, в период Первой мировой войны славянский вопрос оставался для России во многом первостепенным [1, с. 25].

В контексте славянского вопроса особое значение для внешней и внутренней политики Российской империи имел польский вопрос, который в военных условиях приобрел новые черты [1, с. 21]. Польша, разделенная между тремя державами в конце XVIII в., к началу войны почти 150 лет не существовала как государство, но с началом боевых действий польские земли оказались в центре противоборства двух коалиций, что способствовало политической актуализации польского вопроса [9, с. 40].

Министр иностранных дел России С.Д. Сазонов был глубоко убежден в необходимости проведения реформ в Польше, действуя, по его собственным словам, «на благо русского и польского народа и всего славянства» [2, с. 134]. Накануне Первой мировой войны вокруг Сазонова сложился круг единомышленников, признававших необходимость восстановления польской автономии [22, с. 117]. Россия первой из мировых держав изложила свою позицию по польскому вопросу, пообещав объединение польских земель и самоуправление [9, с. 40]. С.Д. Сазонов, по мнению ряда современников, был одним из авторов воззвания великого князя к полякам [2, с. 133]. Однако в Совете министров у него почти не оказалось союзников в польском вопросе: министры внутренних дел, юстиции и сам премьер его позицию не разделяли [2, с. 133]. Таким образом, к 1915 г. вопрос о польской автономии так и не был решен российским правительством.

Освещение польского вопроса в российской прессе в сентябре 1915 г. отличалось от газетной риторики предыдущих периодов. Центральным фактом стало закрепление нового статуса региона: Польша превращалась в пространство, захваченное тевтонами [48]. Уже 1 сентября Гроссман в статье «Германия и поляки» подчеркивал, что «сторонников польско-немецкого примирения в самой Польше незначительное количество» [14], а сама Польша именовалась «русской», что подчеркивало ее органичную связь с Россией [14].

«Биржевые ведомости» 10 сентября давали развернутую картину попыток германского правительства воздействовать на польское общественное мнение через назначение на ключевые должности пруссофилов: «Среди прусских поляков <...> самое видное место занимает член прусской палаты господ гр. Гуттен-Чапский, <...> главным варшавским цензором назначен известный писатель Клейнов» [13]. Через день столичная газета констатировала провал германской пропаганды: «Население Варшавы блестяще сдало экзамен на политическую зрелость и не дало увлечь себя на ложный путь» [12].

Аналогичные оценки германской политике в Польше давала и «Речь», которая приводила мнение польских патриотов, заявлявших, что «вся польская земля есть собственность польского народа» [33], отвергая немецкий планы ее расчленения. «Русское слово» приводило откровенное признание австрийского генерал-губернатора Лютина: «Польская интеллигенция и аристократия держатся обособленно. <...> Отношение к немцам значительно хуже, чем к австрийцам. Население с трудом скрывает свои антипатии» [34].

К середине сентября в российской прессе тон публикаций, характеризующих немецкую оккупационную политику в Польше, стал более тревожным. «Русские ведомости» сообщали о казни жителей Варшавы за сокрытие оружия [37]. Газета «День» обращала внимание читателей на реформирование польской системы образования: «В

начальных школах преподавание русского языка устраняется из школьного курса» [10], что означало уничтожение самого культурного моста между Польшей и Россией. «Утро России» сообщало о закрытии большинства варшавских театров и аресте артистов за «хлесткие словечки с прозрачными намеками» [36] на немецкие власти.

Особого внимания заслуживает публикация «Петроградского листка» «Трагедия варшавских банкиров», в которой рассказывалось о том, как тридцать варшавских банкиров были арестованы и отправлены в концлагерь за отказ обменивать золото на немецкие боны [47]. Мотив банкиров был показателен: они заявили, что «…по заключении мира Варшава останется за Россией, и тогда немецкие боны потеряют всякую ценность» [47].

Кульминацией стало введение предварительной цензуры в Польше. «Русское слово» сообщало о введении предварительной цензуры «в виду враждебности польской печати к Германии» [11], «Биржевые ведомости» также полагали, что это действие немецких властей было вызвано «оппозиционным характером польских органов печати» [35]. К концу месяца «Русские ведомости» в статье «Трагедия в Польше» подвели итог: «Ухудшается чуть ли не изо дня в день отношение немецких властей к населению Польши» [46]. В представлении российской читающей публики совокупность этих обстоятельств могла способствовать укреплению и росту пророссийских настроений в оккупированной немцами Польше.

Параллельно с хроникой репрессий немецких оккупационных властей в российской прессе развернулась дискуссия о будущем Польши – ключевого аспекта польского вопроса в период Первой мировой войны. Примечательна в этом отношении опубликованная в «Биржевых ведомостях» статья «К постановке польского вопроса» лидера польских национал-демократов Романа Дмовского [18]. Он заявлял: «Несмотря на несоразмерность сил русского и польского народов, не только для Польши нужна могущественная Россия, но и для России нужна сильная <...> Польша» [18]. «Биржевые ведомости», комментируя это высказывание, признавали, что «…объединение и освобождение Польши являются ныне незыблемым догматом для всякого сознательного русского» [5].

Однако в России политика в отношении Польши была раздвоена: министерство иностранных дел выступало за создание единой Польши, а круги, близкие к министерству внутренних дел, – за сохранение разделов [30, с. 162]. Важно также подчеркнуть, что поражения 1915 г. и потеря территорий лишили Россию инициативы в польском вопросе. В 1915 г., после падения Варшавы, С.Д. Сазонов в своих воспоминаниях отмечал: «Разочарование и тревога поляков после очищения нами Царства Польского и занятия немцами Варшавы достигли крайней степени... Я не сомневался, что германское и австро-венгерское правительства используют это положение в ущерб России путем лживых обещаний» [44, с. 381].

«Речь» и «Новое время» приводили сообщение о планах Австро-Венгрии создать «…почти независимое польское королевство, которое войдет в состав Австрии на таких же правах, на каких королевство Хорватии и Славонии входит в состав венгерской короны» [33]. Примечательно, что немецкая печать, по сообщению петроградской газеты, скептически относилась к этой идее, заявляя, что польский вопрос будет решаться только на основании стратегических и политических интересов германского народа [28]. Тем важнее российской читающей публике было наблюдать за прокламациями и действиями как немцев, так и австрийцев в отношении польского вопроса. «Новое время» отмечало: «Если по польскому вопросу Австро-Венгрия и Германия не договорятся, то поляки возложат все свои национальные надежды на Россию, которая в начале войны в историческом воззвании великого князя обещала полякам объединение, а на днях в Государственной Думе признала за коренными польскими землями право на автономию» [32]. Это же газетное издание приходило к выводу, что консенсуса о решении польского вопроса нет не только между Германией и Австро-Венгрией [32], но и в самой Германии [20].

Еще одним важным аспектом славянского вопроса в период Первой мировой войны были судьбы балканских славян [1, с. 23], болгар в частности. Освещение в российских газетах болгарского вопроса, в отличие от польского, демонстрировало более драматичную

динамику – от попыток дипломатического воздействия и апелляций к братским чувствам к констатации факта предательства.

Первые тревожные сигналы по болгарскому вопросу были зафиксированы печатью уже в начале сентября 1915 г. «Русские ведомости» в статье «Болгаро-турецкое соглашение» обращали внимание на стратегические выгоды, которые получала София от союза с Турцией: «…непрерывный железнодорожный путь <...> с портом на Эгейском море» [7]. Одновременно газета задавалась вопросом о цене этих уступок: «Таких уступок не дают даром» [7], и приходила к выводу, что «…Болгария как будто решила окончательно связать свою судьбу с судьбой Германии и Австрии» [7]. В статье «Иностранные известия. София и Берлин» корреспондент А. Дерениталь подчеркивая предпринимаемые Болгарией шаги в начале сентября 1915 г., резюмировал, что она «…сняла <…> плащ «строгого и лояльного нейтралитета» <…> просто и прямо из-за своих же собственных выгод» [17].

«Речь» также давала анализ болгарского выбора, отмечая, что «в Софии смотрят на события под углом германского гипноза» [25], и призвала российскую печать «прекратить всякого рода морализации по адресу Болгарии» [25], апеллируя к ее национальным интересам. «Современное слово» все же сохраняло надежду на то, что политика «…царя Фердинанда и нынешнего болгарского правительства не найдут в обществе и народе поддержку» [24].

Поворотным моментом для печати стало известие о мобилизации болгарского войска. «Русские ведомости» 10 сентября в передовой статье констатировали, что Болгария «определилась», но охарактеризовали ее выбор как «преступную болгарскую авантюру» [39]. Газета 13 сентября официально подтвердила начало всеобщей мобилизации в Болгарии, назвав объяснение В.Х. Радославова о вооруженном нейтралитете «нелепым» [41].

После объявления мобилизации в российской прессе развернулась кампания апелляций к болгарскому народу. «Русские ведомости» одни из первых после известия о мобилизации подчеркивали, что: «Несправедливо было бы, однако, сразу обрушиваться с таким негодованием на голову всего болгарского народа... Ждем слова и поступков болгарского народа» [39]. «Биржевые ведомости» опубликовали воззвание «К болгарскому народу», где немцы назывались «врагами славянства – тевтонами», а поведение Болгарии квалифицировалось как «измена славянству» [4].

Печать фиксировала и обращения российских общественных деятелей к болгарским русофилам. Так, «Русские ведомости» сообщали о телеграмме председателя московского славянского комитета Н.И. Гучкова, адресованной болгарской оппозиции: «Русский народ не хочет верить, чтобы Болгария, освобожденная им из-под ига мусульманского, способна была поднять руку на родных братьев своих (сербов) и притом в минуту <...> борьбы с общим для всех славянских народов, злейшим врагом их – Германией» [40]. Однако уже в середине сентября пресса начала осознавать иллюзорность своих надежд. «Биржевые ведомости» в статье «Кобургская Болгария накануне затеянного ею безумного прыжка» констатировали: «Оппозиция, видимо, смирилась... армия вся в руках царя Фердинанда... Болгария собирается прыгнуть в пропасть» [21]. «День» признавал: «…призрак войны <...> едва ли может быть легко устранен одним взмахом руки болгарской оппозиции» [15]. «Новое время» также пришло к выводу, что на оппозицию надеяться не стоило [27].

Последовавшее затем объявление Россией ультиматума Болгарии анализировалось отечественной печатью. «Биржевые ведомости» дали ультиматуму наиболее критическую оценку, сочтя его редакцию «неудачной», так как он дал болгарскому правительству «возможность почетного отступления» и открыл путь для «новых дипломатических уверток» [5]. «День» видел в ультиматуме «толчок оппозиционному движению» [15] и выражал надежду на несогласие болгарского народа с действиями его правительства как возможности для российско-болгарского примирения: «В Болгарии нам враждебно правительство, а народ – на нашей стороне» [16].

Получение неудовлетворительного ответа на ультиматум и разрыв российско-болгарских дипломатических отношений вызвали в прессе эмоциональную реакцию. «Русские ведомости» констатировали:

«Болгария определилась бесповоротно: на жизнь и на смерть она теперь связала судьбу с <...> собранием злейших врагов славянства» [42]. «Русское слово» также давало оценку произошедшим событиям: «С болью в сердце мы должны признать освобожденную русской кровью Болгарию врагом России» [8]. Особое возмущение вызвала форма ответа – на болгарском, а не на русском языке. «Русские ведомости» писали: «До сих пор все дипломатические сношения... происходили на русском языке. Отступив от этой традиции, Болгария хотела <...> подчеркнуть свое пренебрежительное отношение к России» [43].

Сравнительный анализ освещения польского и болгарского вопросов в российской газетной периодике сентября 1915 г. позволяет выявить как общие закономерности, так и различия в трактовке двух сюжетов, составлявших ядро славянского вопроса. Общим было то, что все газеты независимо от их политической направленности, признавали Германию главным антагонистом славянства, сознательно разрушающим его единство.

Пресса либеральной и кадетской направленности последовательно подчеркивала системный и планомерный характер германской политики, направленной на уничтожение славянской государственности. «Русские ведомости» в статье «Трагедия в Польше» констатировали, что Германия и Австрия «ныне уже для себя вопрос этот вырешили и начинают энергично развеивать всякие иллюзии» относительно судьбы Польши [46]. С.Д. Сазонов в своих воспоминаниях также подтверждал, что германское правительство «использовало родственные связи с петербургской династией», чтобы препятствовать русско-польскому примирению [44, с. 387]. «Новое время» подчеркивало, что немецкая оккупация Польши – это «самое очевидное порабощение второго по численности славянского народа» [28], и призывало к «нерушимому братству обоих народов для окончательной победы славянства над германизмом» [28]. Таким образом, природа «германского вмешательства» в польский вопрос выражалась в прямой оккупации и административном давлении на Польшу.

В отношении болгарского вопроса «Речь» указывала, что «германское засилье» пустило в Болгарии «широко разветвленные и глубокие корни» [38]. «Биржевые ведомости» транслировали собственное восприятие геополитического образа Германии на Балканах: «Неудивительно, что немцы так щедры по отношению к кобургскому принцу: им выгодно сосредоточить возможно большую часть балканских земель под властью немецкого властелина. Таким образом, весь югославянский мир окажется в рабстве у тевтонской монархии» [29]. П.Б. Струве дал наиболее резкую оценку болгарского выбора: «После роковых решений Фердинанда Болгарии уже нет, есть Германия и Турция, и некий плацдарм между ними, который когда-то именовался Болгарией» [45].

«Новое время», как и большинство отечественной печати, считало Германию главным врагом славянства и в тоже время в болгарском вопросе делало акцент на личной измене Фердинанда, который стал орудием германских интриг. В стихотворении, опубликованном в газете, Германия подразумевалась как сила, толкнувшая «брата на брата» [6]. «Биржевые ведомости» прямо называли немцев «врагами славянства – тевтонами» [4], а «Маленькая газета» поместила на первой странице статью с заголовком, рисующим картину полного подчинения болгарской армии немецкому командованию – «Немец во главе славянского народа» [26]. Таким образом, в российской прессе осенью 1915 г. сложился консенсус: Германия – главный виновник кризиса «славянского мира», действующий системно и целенаправленно. Итак, природа германского вмешательства в болгарский вопрос выражалась в дипломатической и финансовой зависимости Болгарии, оформленной через союзнические отношения.

Принципиальное различие в освещении польского и болгарского вопросов на страницах российских газет заключалось в оценке исторического субъекта действий: судьба оккупированной Польши воспринималась как трагедия народа, ставшего жертвой завоевателей, а болгарская политика сентября 1915 г. – как предательское поведение правительства, в то время как болгарский народ объявлялся «заблудшим братом». «Биржевые ведомости» в статье «Узор истории» предложили концептуальное обобщение польского и болгарского вопросов, связав судьбы двух славянских народов в единую

историософскую схему [48]. Таким образом, в российской прессе осенью 1915 г. сформировалась двойственная модель восприятия «славянского мира»: Польша представлялась страдающим братом, которого нужно спасать, а Болгария – заблудшим братом, при этом общим врагом для обоих в рамках славянского вопроса была Германия.

Заключение (выводы). Проведенный анализ показывает, что в сентябре 1915 г. российская периодическая печать, несмотря на различия в политической ориентации, прошла несколько этапов в освещении славянского вопроса. Первый этап был связан с фиксацией тревожных сигналов по болгарскому вопросу (болгаро-турецкое соглашение, начало мобилизации), освещения попыток дипломатического влияния и высказывания надежд на братские чувства. Для польского вопроса на этом этапе в печати была характерна констатация попыток германской «обработки» и ее провала. Второй этап был связан с осознанием печатью неизбежности кризиса по славянскому вопросу, выразившийся в кампании апелляций к народу в Болгарии и фиксации репрессий в Польше. К середине сентября 1915 г. в российской прессе также нарастало разочарование в эффективности апелляций к славянскому братству. Третий этап в осмыслении славянского вопроса на страницах отечественной прессы выразился в следующих аспектах: для Болгарии – констатация предательства и демонизация Фердинанда; для Польши – подведение промежуточных итогов немецкой оккупации и вывод о системном характере германской политики уничтожения польской государственности.

Таким образом, в славянском вопросе осенью 1915 г. российская печать, отражая общественные настроения, на примере освещения судеб Польши и Болгарии фиксировала общее понимание: традиционная модель славянского братства, основанная на имперском покровительстве и чувстве благодарности, исчерпала себя.

Список литературы

1. Аржакова Л.М. Славянский вопрос в российской политике на начальном этапе Первой мировой войны (по страницам воспоминаний дипломата-современника) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. Сер. 2. 2014. Вып. 1. С. 19–26.

2. Бахтурина А.Ю. Воззвание к полякам 1 августа 1914 г. и его авторы // Вопросы истории. 1998. № 8. С. 132–136.

3. Бахтурина А.Ю. Славянское единство: идея и практическое воплощение в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны // Первая мировая война, Версальская система и современность: сб. статей / отв. ред. И.Н. Новикова, А.Ю. Павлов, А.А. Малыгина. СПб.: СПбГУ, 2014. С. 55–64.

4. Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. 1915. № 15086. 13 сентября.

5. Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. № 15103. 22 сентября.

6. Болгарии // Новое время. 1915. № 14204. 25 сентября.

7. Болгаро-турецкое соглашение // Русские ведомости. 1915. № 205. 5 сентября.

8. Болгарский пожар // Русское слово. 1915. № 218. 24 сентября.

9. Борисенко В.В. К проблеме польского вопроса в годы Первой мировой войны // Романовские чтения 9: сборник статей Международной научной конференции, 29 ноября 2012 г. / под общ. ред. Н. М. Пурышевой. Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2013. С.40–42.

10. В Польше // День. 1915. № 253. 14 сентября.

11. В Польше // Русское слово. 1915. № 216. 22 сентября.

12. Варшавские настроения // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. № 15081. 11 сентября.

13. Германский режим в Варшаве // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. № 15079. 10 сентября.

14. Гроссман. Германия и поляки // Русские ведомости. 1915. № 201. 1 сентября.

15. День. 1915. № 261. 22 сентября.

16. День. 1915. № 264. 25 сентября.

17. Дерениталь А. Иностранные известия. София и Берлин // Русские ведомости. 1915. № 205. 5 сентября.

18. Дмовский Р. К постановке польского вопроса // Биржевые ведомости. Утренний выпуск 1915. № 15103. 22 сентября.

19. Иванов А.А., Репников А.В. «Болгарская измена»: русские правые о вступлении Болгарию в Первую мировую войну на стороне Центральных держав // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 197–217.

20. К немецким суждениям о Польше // Новое время. 1915. № 14205. 26 сентября.

21. Кобургская Болгария накануне затеянного ею безумного прыжка // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. № 15089. 15 сентября.

22. Крутиков А.А. С.Д. Сазонов и польский вопрос в Российской империи в годы Первой мировой войны // Перспективы. Электронный журнал. 2018. № 3(15). С. 114–133.

23. Мичурин А.Н. Польский вопрос в Государственном совете в годы Первой мировой войны // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2010. № 1. С. 192–198.

24. На Балканах // Современное слово. 1915. № 2748. 8 сентября.

25. На распутье // Речь. 1915. № 248. 9 сентября.

26. Немец во главе славянского народа // Маленькая газета. 1915. № 265. 26 сентября.

27. Новое время. 1915. № 14202. 23 сентября.

28. Новое время. 1915. № 14205. 26 сентября.

29. Обреченная Болгария // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. № 15083. 12 сентября.

30. Позняк С.В. «Польский вопрос» во властных структурах императорской России накануне и в годы Первой мировой войны // Российские и славянские исследования. Вып. 1. Минск: БГУ, 2004. С. 159–173.

31. Полонский В.В. Историософия славянства в русской публицистике периода Великой войны: идеологические предпосылки и опыты символистской дешифровки событий // Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: политика и поэтика. Исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 25–38.

32. Польская проблема // Новое время. 1915. № 14186. 7 сентября.

33. Польско-прусские отношения // Речь. 1915. № 249. 10 сентября

34. Польша // Русское слово. 1915. № 205. 5 сентября. 16 сентября.

35. Предварительная цензура в Варшаве // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. № 15115. 28 сентября.

36. Разгром польских театров // Утро России. 1915. № 250. 12 сентября.

37. Репрессии в Польше // Русские ведомости. 1915. № 211. 16 сентября.

38. Речь. 1915. № 260. 21 сентября.

39. Русские ведомости. 1915. № 207. 10 сентября.

40. Русские ведомости. 1915. № 208. 11 сентября.

41. Русские ведомости. 1915. № 210. 13 сентября.

42. Русские ведомости. 1915. № 218. 24 сентября.

43. Русские ведомости. 1915. № 219. 25 сентября.

44. Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. 398 с.

45. Струве П. Б. Болгаро-Турция // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. № 15113. 27 сентября.

46. Трагедия в Польше // Русские ведомости. 1915. № 218. 24 сентября.

47. Трагедия варшавских банкиров // Петроградский листок. 1915. № 253. 15 сентября.

48. Узор истории // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1915. № 15109. 25 сентября.

49. Фоменко А.А. Проблематика участия Болгарии в Первой мировой войне // Вестник ВГУ. 2018. №2. С. 98–102.

50. Эрн В.Ф. Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия. М., 1915. 48 с.

THE SLAVIC QUESTION IN RUSSIAN NEWSPAPERS IN THE AUTUMN OF 1915: THE CASE OF COVERAGE OF POLAND AND BULGARIA

This article analyzes the portrayal of the slavic question in russian newspapers during the critical autumn of 1915. Drawing on materials from leading newspapers – Russkie Vedomosti, Birzhevye Vedomosti, Rech, Novoye Vremya, Russkoye Slovo, Utro Rossii, Den', Sovremennoye Slovo, Malen'kaya Gazeta, and Petrogradsky Listok – the article examines the interpretation of two key topics: the situation in the Kingdom of Poland, occupied by German troops, and Bulgaria's foreign policy choice in allying itself with the Central Powers. The article explores the evolution of press assessments, ranging from hopes for "brotherhood" and a diplomatic settlement to statements of "betrayal" and rupture. Particular attention is paid to journalistic attempts to link the destinies of the two slavic peoples into a single conceptual framework, as well as to an analysis of the image of germany as the main antagonist of the "slavic world." The article identifies three stages in the coverage of events related to the polish and bulgarian questions. The study revealed that, in the polish question, newspapers focused readers' attention on german repressions, while in the bulgarian question, they focused on condemning bulgarian betrayal. Accordingly, it concludes that a dual image of the "slavic world" was developing in the russian press and that the traditional model of slavic solidarity, based on imperial patronage and gratitude, was in crisis.
Keywords: First World War, slavic question, russian press, newspaper periodicals, Poland, Bulgaria, polish question, bulgarian question, public opinion.

References

1. Arzhakova L.M. (2014) Slavyanskiy vopros v rossiyskoy politike na nachalnom etape Pervoy mirovoy voyny (po stranitsam vospominaniy diplomata-sovremennika) [The slavic question in russian politics at the initial stage of World War I (based on the memoirs of a contemporary diplomat)]// *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. Ser. 2. Vyp. 1. S. 19–26.

2. Bakhturina A.YU. (1998) Vozzvanie k polyakam 1 avgusta 1914 g. i ego avtory [The appeal to the poles of august 1, 1914 and its authors]// *Voprosy istorii*. № 8. S. 132–136.

3. Bakhturina A.YU. (2014) Slavyanskoe edinstvo: ideya i prakticheskoe voploshchenie v Vostochnoy Galitsii v gody Pervoy mirovoy voyny [Slavic unity: Idea and practical implementation in eastern galicia during World War I] // Pervaya mirovaya voyna, Versalskaya sistema i sovremennost: sb. statey / otv. red. I.N. Novikova, A.YU. Pavlov, A.A. Malygina. SPb.: SPbGU. S. 55–64.

4. Birzhevye vedomosti. Vecherniy vypusk. 1915. № 15086. 13 sentyabrya.

5. Birzhevye vedomosti. Utrenniy vypusk. 1915. № 15103. 22 sentyabrya.

6. Bolgarii [Bulgaria] // *Novoe vremya*. 1915. № 14204. 25 sentyabrya.

7. Bolgaro–turetskoe soglashenie [Bulgarian–Turkish agreement] // *Russkie vedomosti*. 1915. № 205. 5 sentyabrya.

8. Bolgarskiy pozhar [Bulgarian fire] // *Russkoe slovo*. 1915. № 218. 24 sentyabrya.

9. Borisenko V.V. (2013) K probleme polskogo voprosa v gody Pervoy mirovoy voyny [On the polish question during the First World War] // Romanovskie chteniya – 9 : sbornik statey mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, 29 noyabrya 2012 g. / pod obshch. red. N. M. Puryshevoy. Mogilev : MGU imeni A.A. Kuleshova. S.40–42.

10. V Polshe [In Poland] // *Den*. 1915. № 253. 14 sentyabrya.

11. V Polshe [In Poland] // *Russkoe slovo*. 1915. № 216. 22 sentyabrya.

12. Varshavskie nastroeniya [Warsaw moods] // *Birzhevye vedomosti. Utrenniy vypusk*. 1915. № 15081. 11 sentyabrya.

13. Germanskiy rezhim v Varshave [The German regime in Warsaw] // *Birzhevye vedomosti. Utrenniy vypusk*. 1915. № 15079. 10 sentyabrya.

14. Grossman. Germaniya i polyaki [Germany and the poles] // *Russkie vedomosti*. 1915. № 201. 1 sentyabrya.

15. Den. 1915. № 261. 22 sentyabrya.

16. Den. 1915. № 264. 25 sentyabrya.

17. Derental A. Inostrannye izvestiya. Sofiya i Berlin [Foreign news. Sofia and Berlin] // *Russkie vedomosti*. 1915. № 205. 5 sentyabrya.

18. Dmovskiy R. K postanovke polskogo voprosa [On the formulation of the polish question] // *Birzhevye vedomosti. Utrenniy vypusk*. 1915. № 15103. 22 sentyabrya.

19. Ivanov A.A., Repnikov A.V. (2014) «Bolgarskaya izmena»: russkie pravye o vstuplenii Bolgariyu v Pervuyu mirovuyu voynu na storone Tsentralnykh derzhav [«Bulgarian treason»: russian

right-wingers on Bulgaria's entry into World War I on the side of the central powers] // *Noveyshaya istoriya Rossii*. № 3. S. 197–217.

20. K nemetskim suzhdeniyam o Polshe [On german opinions about Poland] // *Novoe vremya*. 1915. № 14205. 26 sentyabrya.

21. Koburgskaya Bolgariya nakanune zateyannogo eyu bezumnogo pryzhka [Coburg Bulgaria on the eve of its insane leap] // *Birzhevye vedomosti. Utrenniy vypusk*. 1915. № 15089. 15 sentyabrya.

22. Krutikov A.A. (2018) S.D. Sazonov i polskiy vopros v Rossiyskoy imperii v gody Pervoy mirovoy voyny [Sazonov and the polish question in the Russian Empire during the First World War] // *Perspektivy. Elektronnyy zhurnal*. № 3(15). S. 114–133.

23. Michurin A.N. (2010) Polskiy vopros v Gosudarstvennom sovete v gody Pervoy mirovoy voyny [The Polish question in the State Council during the First World War] // *Nauchno–tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. № 1. S. 192–198.

24. Na Balkanakh [In the Balkans] // *Sovremennoe slovo*. 1915. № 2748. 8 sentyabrya.

25. Na raspute [At the crossroads] // *Rech*. 1915. № 248. 9 sentyabrya.

26. Nemets vo glave slavyanskogo naroda [A German at the head of the slavic people] // *Malenkaya gazeta*. 1915. № 265. 26 sentyabrya.

27. Novoe vremya. 1915. № 14202. 23 sentyabrya.

28. Novoe vremya. 1915. № 14205. 26 sentyabrya.

29. Obrechennaya Bolgariya [Doomed Bulgaria] // *Birzhevye vedomosti. Utrenniy vypusk*. 1915. № 15083. 12 sentyabrya.

30. Poznyak S.V. (2004) «Polskiy vopros» vo vlastnykh strukturakh imperatorskoy Rossii nakanune i v gody Pervoy mirovoy voyny [The Polish question in the power structures of Imperial Russia on the eve and during the First World War] // *Rossiyskie i slavyanskie issledovaniya*. Vyp. 1. Minsk: BGU. S. 159–173.

31. Polonskiy V.V. (2013) Istoriosofiya slavyanstva v russkoy publitsistike perioda Velikoy voyny: ideologicheskie predposylki i opyty simvolistskoy deshifrovki sobytiy [Historiosophy of slavism in russian journalism during the Great War: ideological prerequisites and attempts at symbolist decipherment of events] // Russkaya publitsistika i periodika epokhi Pervoy mirovoy voyny: politika i poetika. Issledovaniya i materialy. M.: IMLI RAN. S. 25–38.

32. Polskaya problema [The Polish Problem] // *Novoe vremya*. 1915. № 14186. 7 sentyabrya.

33. Polsko-prusskie otnosheniya [Polish-Prussian Relations] // *Rech*. 1915. № 249. 10 sentyabrya.

34. Polsha [Poland] // *Russkoe slovo*. 1915. № 205. 5 sentyabrya. 16 sentyabrya.

35. Predvaritelnaya tsenzura v Varshave [Preliminary censorship in Warsaw] // *Birzhevye vedomosti. Utrenniy vypusk*. 1915. № 15115. 28 sentyabrya.

36. Razgrom polskikh teatrov [The sack of polish theaters] // *Utro Rossii*. 1915. № 250. 12 sentyabrya.

37. Repressii v Polshe [Repressions in Poland] // *Russkie vedomosti*. 1915. № 211. 16 sentyabrya.

38. Rech. 1915. № 260. 21 sentyabrya.

39. Russkie vedomosti. 1915. № 207. 10 sentyabrya.

40. Russkie vedomosti. 1915. № 208. 11 sentyabrya.

41. Russkie vedomosti. 1915. № 210. 13 sentyabrya.

42. Russkie vedomosti. 1915. № 218. 24 sentyabrya.

43. Russkie vedomosti. 1915. № 219. 25 sentyabrya.

44. Sazonov S.D. (1991) Vospominaniya [Memories]. M. 398 s.

45. Struve P. B. Bolgaro-Turtsiya [Bulgaria-Turkey] // *Birzhevye vedomosti. Utrenniy vypusk*. 1915. № 15113. 27 sentyabrya.

46. Tragediya v Polshe [Tragedy in Poland] // *Russkie vedomosti*. 1915. № 218. 24 sentyabrya.

47. Tragediya varshavskikh bankirov [Tragedy of the warsaw bankers] // *Petrogradskiy listok*. 1915. № 253. 15 sentyabrya.

48. Uzor istorii [The pattern of history] // *Birzhevye vedomosti. Utrenniy vypusk*. 1915. №

15109. 25 sentyabrya.

49. Fomenko A.A. (2018) Problematika uchastiya Bolgarii v Pervoy mirovoy voyne [Problems of Bulgaria's Participation in World War I] // *Vestnik VGU*. №2. S. 98–102.

50. Ern V.F. (1915) Vremya slavyanofilstvuet. Voyna, Germaniya, Evropa i Rossiya [Time is slavophile. War, Germany, Europe and Russia]. M. 48 s.

Об авторе

Свиридова Алина Сергеевна – ассистент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: Alinasv.17@yandex.ru

Sviridova Alina Sergeevna – assistant, I.G. Petrovsky Bryansk State University (Russia), E-mail: Alinasv.17@yandex.ru